

ЗЕЛЕНКО Борис Иванович — доктор политических наук, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН (117218, Россия, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/45, корп. 5; b.i.zelenko@rambler.ru; isras@isras.ru)

К ВОПРОСУ О СЕТЕЦЕНТРИЧЕСКИХ ВОЙНАХ И МИРЕ (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ)

Аннотация. Сетецентрические война и мир рассматриваются не как абсолютно их новый тип, а как переходный этап, совпадающий со сменой новой архитектуры мира. Сделана попытка уловить в этом политологический смысл, используя феноменологию философии политики. Обосновываются онтологический и когнитивный подходы в понимании и объяснении сути вынужденной военной спецоперации на известной территории. Вычленяются целеполагание военной доминанты (демилитаризация) и смыслополагание в области ментальности и самосознания (денацификация). Предлагается механизм их реализации: воевать медийностью, культивировать новый вид «гражданской» сетецентрической войны вне боевых действий и т.д. Автор просчитывает последствия конфликта, изменение миропорядка, появление новых и сетевых иерархий, вероятную судьбу противоборствующих сторон в этом процессе.

Ключевые слова: демилитаризация, денацификация, целеполагание, смыслополагание, медийность, сетевая иерархия

Цель войны нового типа — уничтожение самосознания, изменение ментальной, цивилизационной основы общества противника.
Андрей Ильницкий, советник министра обороны РФ

Обращение к заявленной теме не требует актуализации. Вынужденная военная спецоперация по демилитаризации и денацификации на Украине все объясняет. Онтология поставленной проблематики более или менее определена в сетевой теории. Что касается когнитивистики вопроса, то он находится в априорном состоянии пропедевтики. Обусловлено это недостаточной аналитикой, которая в основном сводится к одному — «народной политологии». Фиксация сегодняшней реальности на Украине заставляет отходить от сиюминутных, дилетантских оценок и включать в той или иной мере фундаментальный взгляд на существующий конфликт.

В этой связи уместно утверждать, что теория сетецентрических войны и мира полностью экстраполируется на происходящее событие. Однако в отечественной политологии образовалась некая пауза на этот счет. Тем не менее А.И. Подберезкин одним из первых российских политологов при разработке долгосрочного стратегического планирования в стране в 2016 г. предложил пересмотр планов оборонного строительства с учетом специфики системной сетецентрической войны [Подберезкин и др. 2018: 9–11]. Однако он не был пионером в этом деле. Именно в сфере «военспецов» исподволь выкристаллизовалась онтология сетецентричности. В России она называется «Стандартизированная система управления войсками и оружием». По словам военного политолога В. Волкова, маршал СССР Н. Огарков изложил эту концепцию еще в начале 1980 г. Но реализовали ее в США в 1990-х гг. При этом американцы признают авторство Огаркова. Таким образом, концепция была рождена в СССР, потом попала в США, оттуда возвращается в Россию.

Данная система направлена в первую очередь на достижение информационного превосходства над противником за счет создания информационно-коммуникационной сети. Потенциал возрастает не за счет наращивания боевых

средств («платформ»), как это было раньше. При реализации сетецентрической войны (СЦВ) «платформы» и «центры» не исчезают, а объединяются в интегрированную информационно-коммуникационную систему для функционирования в синергетическом режиме. Характерно, что этой позиции придерживается и КНР. В 1999 г. там вышла книга офицеров НОАК, которая была опубликована в США под названием «Искусство воевать без правил» с подзаголовком: «китайский план разрушения Америки», где многое совпадает с перечисленным.

Ко всему этому следует добавить, что эвристический потенциал сетецентрического военного концепта сформировался задолго до появления всех новых технологий. Он возник в эпоху «холодной войны», на что указал видный русский военный теоретик Э.Е. Месснер в своей работе «Лик современной войны» (изданной еще в 1959 г. в Аргентине, Буэнос-Айрес) [Хочешь мира... 2005: 70-71, 101]. Говоря о специфике военного противостояния, автор провидчески предугадал когнитивность военных действий сегодняшнего дня на рассматриваемой территории. Сущность происходящего заключается в том, что война охватывает всю территорию и все население противоборствующих государств, а не только линию фронта или их военную организацию и инфраструктуру. Война не на линии, а на всей поверхности территорий обоих противников.

Действительно, это отчасти уже просматривается в ходе вынужденной спецоперации на Украине.

По мнению Э.Е. Месснера, происходит отход от традиционного разделения на воинов и граждан. Каждый гражданин имеет право и обязанность участвовать в открытом или тайном, по словам автора, «воевании». Теперь нет разделения на войско и население, происходит его размывание — воюют все с градуированием напряженности и постоянства: одни воюют тайно, другие явно, одни непрерывно, другие — при удобном случае.

Здесь прогноз также попадает в сегодняшнюю реальность.

И со следующим постулатом нельзя не согласиться: используются компоненты национальной мощи противостоящих государств, а не только их вооруженных сил, поскольку позади фронта возникают фронты политические, социальные, экономические.

В этом случае главным противником становится коллективный Запад.

Согласны с метафорой нашего эксперта и в том, что ныне стратегическая идея может уподобиться мячу, гоняемому игроками из конца в конец поля: конечная цель одна, но промежуточных — много, и они находятся в областях военной, дипломатической, экономической, политико-социальной и психологической.

Приведенная аналитика Э.Е. Месснера хорошо интегрируется с современной теорией сетецентризма в военном опосредовании и с его возможностями. Более того, многое и объясняет. В политологии анализ такого синтеза традиционного и современного технологического подходов создал бы когнитивную эвристику в теории сетецентрических войны и мира.

При этом надо учесть, что сетецентризм войны «опередил» сетецентризм мира. Имеется в виду, что сетевая война «опредила» сетевой мир. К примеру, в РФ сетевизация в военной сфере была более развита, чем в сфере гражданской. В этой логике, поскольку война — это всегда агрессия, в условиях информационной войны формируется и усиливается медийная агрессия [Озюменко 2017]. Может быть поэтому, как полагаем, медийность стала оружием, что позволило медийностью воевать.

Это определяющий политологический ракурс рассматриваемой про-

блемы, основополагающий контекст сетецентризма в сферах войны и мира. Последний требует их анализа с позиций новых функциональных смыслов.

В этом плане методология в отношении смыслополагания сетецентрических войны и мира парадигмально еще не выстроена. Но мы сделаем попытку. Феноменологическое описание вообще категории «смысла» еще не получила должного онтологического статуса. Охарактеризовать его особенности в условиях неопределенности сложно. Неизвестно, где начинается и где заканчивается сетецентризм в рассматриваемых сферах, особенно в виртуальном поле. Однако смысл есть всегда, его надо только найти. Более того, смысл «смысла» — в том, что он направляет ход бытия.

В когнитивистике смысл конструируется субъектом, выступает, по Е. Выготскому, как его психологическое орудие. Оно, в свою очередь, структурирует деятельность и бытие того или иного актора. В философии политики сущее трактуется таким, каково оно есть, только благодаря смыслу, посредством которого оно конституировано. Без конституирования нет мира, в нашем случае — и войны, поскольку конституирование — смысловой процесс.

Отсюда сетецентризм становится осмысленным, только если сработали законы смыслополагания, — иначе осмысленности нет. В нашем случае главное здесь в четкости понимания двух когнитивностей: целеполагания демилитаризации и смыслополагания денацификации.

Такое разделение в той или иной мере условно. Они тесно диффундируют друг в друга, что вытекает из их взаимообусловленности. Однако область понятийной интерпретации требует соответствующей структуризации. При этом следует учесть, что демилитаризация — доминанта чисто военного смысла, а денацификация — доминанта больше смысла ментального, чем военного.

Поэтому целеполагание демилитаризации заключается в ликвидации собственно украинского милитаризма. Что касается денацификации, то здесь применимо понятие смыслополагания, предполагающего ликвидацию нацистской ментальности на Украине, когнитивность которой гораздо шире боевых действий. И когда в военных репортажах с украинского поля боя рапортуют об уничтожении «нациков», мягко говоря, это не совсем правильно. Здесь подмена термина. Не все воюющие — «нацики», и не все «нацики» — украинские военные.

Отметим существенное, а поэтому главное: действия по демилитаризации и денацификации Украины объединяет одно — экзистенциальный смысл.

Таким образом, если в трактовке демилитаризации преобладает военный смысл, то относительно денацификации, помимо всего, имеет место ментальный смысл. Если в первом случае аналитика сложилась, а точнее, еще складывается, то во втором — есть своя специфика, обусловленная «новой» медийностью.

Ключевая характеристика функционирования тех или иных акторов в рамках сетецентрической парадигмы — гибкость и приспособляемость к сложным нелинейным коммуникационным взаимодействиям. Для разработки политики в целях противодействия денацификации должны создаваться различные модели воздействия, к примеру, через самосознание, ментальность и т.д. В настоящее время отчасти формируются сетевые механизмы «изготовления публичной сферы», где операционная система базируется на известном феномене сетевого роения [Левчук 2016: 65; Леонов, Пронин 2017]. Сущность принципа сетецентризма в этом деле заключается в том, что движение и действие больших информационных или передача и преобразование существенных объемов социальной (пассионарной) энергии направляются и контролируются при помощи незначительного количества энергии, несущей информацию. В

результате этого запускается процесс «раскодирования» в ходе коммуникации. Применение данной технологии чрезвычайно важно при раскодировании идей нацизма на воюющей территории. Это как раз тот случай медийного феномена как орудия в сетецентрическом управлении инфопотоками.

Новая медийность предполагает и некую инноватику, очерченную в новых контурах сетевого виртуального поля. Она дополняет приведенный выше обзор технологизма.

Логика парадигмы, используемая в дальнейшем, вытекает из принципов сетецентризма, применяемых в предпринимательской сфере [Изюмов, Кондратюк 2016]. Тем не менее данную гипотезу можно экстраполировать и на наш предмет рассмотрения. Она вполне имманентна и соответствует основам сетевой теории. Ее инноватика заключается в том, что, помимо «горячей» сетецентрической войны, эти действия можно проводить и в рамках сугубо гражданских отношений, имеющих все ее признаки.

Сетецентрическая война вне военных взаимоотношений направлена на обеспечение, помимо прочего, медийного превосходства или же на приоритет информационно-когнитивной сферы деятельности над физической средой невоюющих лиц. В этом случае можно говорить о «гражданской» сетецентрической войне. Ее когнитивно-социальная составляющая связана с процессами познания моделей поведения, психологии, нейрофизиологии, когнитивной лингвистики и т.д., и т.п.

В конечном итоге, «гражданская» сетецентрическая война направлена на завоевание монополистических позиций в сфере денацификации невоюющих лиц. Возникает возможность внедрить новый порядок для достижения медийного превосходства в формировании негативного облика воюющих в массовом сознании невоюющих. Такого рода война может способствовать анализу и дальнейшему обнаружению идей нацизма.

В этой плоскости назначение политологии – в фиксации объективных параметров политической реальности. В преломлении к нашему предмету, как упоминалось, в этом не хватает соответствующего методологического инструментария. Если обратиться к эпистемологии, то существуют наработанные нарративы. Используя их, сформулируем, в некотором роде, основную задачу денацификации. Это не «опутывание» противника аргументацией (как у схоластов), а изучение на основе реальных фактов объективной действительности.

Здесь обыденное знание не систематизировано, это набор информации. Так, бытует мнение о двух правдах, постправде и т.д. на территории противоборствующих сторон. Знание может быть гипотетичным или даже аксиоматичным, но не истинным. Выход заключается в системности.

Объектом денацификации является множественность предметов исследования, т.е. нужен теоретический подход. В нашем случае эмпирически сущностные связи еще не выделены. Теоретически необходимо выделение сущностных, когнитивных связей именно в чистом виде, поскольку эмпирика – это вероятностные знания, теоретические знания – истинные, т.е. достоверные. В связи с этим в эпистемологии выделяются два основных уровня мышления: рассудок и знание. Рассудок трактуется как исходный уровень мышления в пределах заданного жесткого стандарта, способность последовательно и ясно рассуждать.

Разум – это высший уровень рационального. Главная задача разума состоит в объединении (вплоть до синтеза) многообразности изучаемых явлений. Отсюда в философии делается два вывода: «понимание» как освоение действительности рассудочно и «объяснение» как функция разума, раскрытие закономерностей, лежащих в основе явления. Данная эпистемологическая трактовка

«понимания» и «объяснения» должна быть априори заложена в действиях, когда воюют медийностью.

Образцом этого является следующая пространная сентенция «рассудочно-разумного» уровня. К примеру: «если мы говорим о денацификации, то это точно не вопрос боевых калибров, это вопрос букв, смыслов и идей, картины мира»¹. Мы неожиданно для самих себя оказались последним оплотом тех европейских ценностей, которые провозглашались Западом эти годы и которые мы заучивали, как прилежные ученики. Надо решить, как работать с теми катастрофическими деформациями массового сознания, которые произошли за последние тридцать лет в ходе превращения Украины в то, что Путин называет «анти-Россией». Вызов для нас, чтобы дать не только военный, но и мировоззренческий ответ на тот образ мышления, который был занесен в сознание значительной массы украинцев. Что до образа мирового изгоя, то эта абстракция сознания связана главным образом с тем, что глобальный Запад выдает себя за глобальный мир. Не война с Западом, а глубокий идеологический разлом. Вал русофобии вроде бы соответствует канонам военной пропаганды. Но это сетевая война. Это интенсификация и обострение всего того, что происходило и ранее. Мы в авангарде политического и культурного мейнстрима. Мы еще не осознаем глобального значения своей миссии. Многие в мире смотрят на нас с затаенным одобрением. Важны для них наша последовательность, твердость в сопротивлении беспрецедентному давлению.

Подробный разворот приведенной риторики обусловлен психолингвистическим приемом, в основе которого, как упоминалось, лежит рассудочно-разумная оценка происходящего. На данном примере наглядно показано проявление медийности через когнитивизм. Это свидетельствует о верном тезисе, что медийностью можно и нужно воевать, и все это соответствует нашим концептуальным размышлениям на протяжении всей работы.

Наконец, это является соответствующим ответом и на имеющую место доминирующую рефлексию «народной политологии».

Вместо вывода. Изложенное является своеобразным введением в обозначенную тему. Акценты некоторых аспектов сетевых войн и мира рассмотрены в когнитивном контуре, наполненном соответствующими смыслами. Привнесение их в концептуальном виде позволило методологически сформулировать дефиниции «объяснения» и «понимания» сути вынужденной военной операции на известной территории. Целеполагание военной доминанты отличается от смыслополагания денацификации. Последнее заключается в захвате идеологических смыслов и насаждении новых. В этом отношении неизвестно, что первично. Если бы медийностью были в первую очередь отвоєваны указанные смыслы, неизвестно, как все повернулось бы в ходе военного противостояния. Поэтому в современных условиях медийность выступает в качестве сетевого демиурга.

При переходе от сетевых войн к новой архитектуре мира необходима, наряду с другими, смена традиционной ментальности, как институциональной, так и персонифицированной. Это касается и нашего случая, особенно в отношении субъектности конфликтующих сторон. Как видим, происходит (по Фергесону) взаимная сетевая атака двух сетевых иерархий — коллективного Запада и России. При этом провоцирует эти атаки третья сетевая иерархия. Не исключается, что ее судьба, имеющаяся в виду Украина, будет на

¹ «Реальный мир смотрит на нас с надеждой — хоть кто-то рыпнулся»: Алексей Чадаев о российской Реконкисте. Доступ: <https://www.business-gazeta.ru/article/542954> (проверено 30.04.2022).

обочине грядущего миропорядка, поскольку возникнут и новые иерархии как основы упомянутого порядка.

Отсюда возрастает значимость отечественной политологии. Необходим междисциплинарный подход, обращение к философии политики, его феноменологии. Симптоматично, что в этом русле работает ученый Л.В. Савин, выпустивший фундаментальный труд «Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски» [Савин 2020], который способствует новой эвристике на основе дальнейших рассуждений.

Список литературы

Изыумов Д.Б., Кондратюк Е.Л. 2016. Гражданские сетевые войны. — *Иноватика и экспертиза: Научные труды*. № 3(18). С. 81-86.

Левчук Н.Н. 2016. Сетевая парадигма управления массовыми информационными процессами. — *Вестник БГУ*. Сер. 4. № 1. С. 62-65.

Леонов А.В., Пронин А.Ю. 2017. О роли и месте сетевых архитектур типа «рой» в концепциях современных войн и необходимости их военно-экономической оценки. — *Вооружение и экономика*. № 3. С. 3-13.

Озюменко Д.Б. 2017. Медийный ракурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии. — *Вестник РУДН*. Т. 21. № 1. С. 203-229.

Подберезкин А.И. и др. 2018. *Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России: аналитический доклад*. М.: Изд-во МГИМО(У). 88 с.

Савин Л.В. 2020. *Стрелы кентавра. Кибервойна по-американски*. М.: ИД «Кислород». 496 с.

Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера (под общ. ред. В.И. Марченкова). 2005. М.: Военный университет; Русский путь. 696 с.

ZELENKO Boris Ivanovich, Dr.Sci. (Pol.Sci.), Leading Researcher at the Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (bld. 5, 24/35 Krzhizhanovskogo St, Moscow, Russia, 117218; b.i.zelenko@rambler.ru, isras@isras.ru)

ON THE ISSUE OF NETWORK-CENTRIC WAR AND PEACE (SOME ASPECTS)

Abstract. Network-centric war and peace are considered not as their new type, but as a transitional stage coinciding with the change of the new architecture of the world. The author attempts to capture the political science meaning in this, using the phenomenology of the philosophy of politics. The article substantiates ontological and cognitive approaches in understanding and explaining the essence of a forced military special operation on a known territory. The author singles out the goal setting of the military dominant (demilitarization) and the meaning setting in the field of mentality and self-awareness (denazification). The paper propose a mechanism for their implementation: to fight with the media, to cultivate a new type of «civil» network-centric war, outside of hostilities, etc., and calculates the consequences of the conflict, the change in the world order, the emergence of new and network hierarchies, the probable fate of the warring parties in this process.

Keywords: demilitarization, denazification, goal setting, meaning setting, media coverage, network hierarchy
